



О войне вспоминать не люблю...



Начало на стр. 1

Пустой дом

Толкачевы решили возвращаться на БелГЭС и говорили меня ехать с ними, там, мол, что-нибудь придумаем. Когда доехали до БелГЭСА, оказалось, что в нашей квартире осталась только шкафа. Я продала шкафа крестьянам из деревни – надо было на что-то жить. Наша квартира была пуста, и я заняла комнату в соседнем подъезде, там была кровать. Собирались вечерами у меня и решила, что делать дальше, как выжить. Но одна знакомая – зубной врач, которой немцы позволили оборудовать стоматологический кабинет, – меня выдала, она рассказала немцам, кто я. Пришли полиция и сказали, чтобы я перебралась в дом, куда согнали всех евреев. Зимой нас выгоняли чистить улицы от снега. А как потеплело, в нас необходимость, видимо, отпала...

В тот день, когда немцы решили всех евреев расстрелять, я рано проснулась. Вышла на крыльцо – услышала разговор у соседней – Опиок (они жили через дорогу) и пошла к ним, к своей подружке Зине. Сидим, разговариваем, бегают ее младший брат и кричит: «Немцы пришли, собирают всех евреев на расстрел!». Зина говорит: «Прячься». А я думала, куда – не знаю». Питоленко приказал мне бежать домой – взять что-нибудь из одежды, была-то я на тот момент в легком платье из марлевки. У двери стоял полиция, я его знала. Он как увидел меня, замаха рукой, выругался и говорит: «Немцы в доме, убираться, пока никого нет».

И я пошла мимо дома по направлению к местечку Выдрица и спряталась недалеко в зарослях

кустарника. Я пролежала до темноты и побрела дальше. Зашла в какую-то землянку-банку, легла на полку и уснула. Слышу, кто-то с той стороны закрыл дверь на щеколду. Не знаю, что делать. Когда уже было очень поздно, меня открыли: зашла какая-то женщина и увела меня во вторую половину этого так называемого помещения. Там были сделаны полаты из досок, которые лежали на больших избирательных урнах. С женщиной жили два ее сына, лет восьми и десяти. Мальчики умные, все понимали. Днем один из них по моей просьбе сходил к Зине. Я просила, чтобы она раздобыла мне что-нибудь из одежды, обуви. Вот так и переплывались с Зиной. Однако как мы ни старались действовать скрытно, а слухи, видимо, уже шли, что я уцелела и где нахожусь. Посылали мне хлеб и соседка Сидорова, и кто-то еще.

Попытка бегства

Однажды в первую половину землянки зашел Питоленко, полиция – он был папин земляк, но отменная сволочь. Он громко спросил, где я. Я быстро спряталась. Он потом зашел на другую половину, повесил, но не увидел меня. Женщина сказала: «Да, эта девушка у меня была, но ушла, а куда – не знаю». Питоленко приказал мне бежать домой – взять что-нибудь из одежды, была-то я на тот момент в легком платье из марлевки. У двери стоял полиция, я его знала. Он как увидел меня, замаха рукой, выругался и говорит: «Немцы в доме, убираться, пока никого нет».

И я пошла мимо дома по направлению к местечку Выдрица и спряталась недалеко в зарослях

мне ботинки. Мы с ним раньше не были знакомы, но он почему-то решил мне помогать. Возможно, потому что вспоминал своих детей, представляя, как бы им нужна была помощь взрослого человека в такой ситуации. Он сказал, что собирается с несколькими товарищами идти через фронт, и я могу пойти с ними. А ноги у меня после сиденья в картошке так и болели, сплошь были в болячках, которые мокли и зудели. Тайком меня лечил фельдшер, поставил мази, но все тщетно: ноги просто сплошь были в гное. Но я все равно решила идти. Зина отдала мне свои документы, так я на какое-то время стала Зинаидой Васильевной Опиок.

Шли лесом, деревьями, если в них не было немцев. Перевязок я не делала, но во время привалов подставляла ноги солнцу, и когда через неделю решила перебинтовать ноги, то посыпалась труха, и оказалась молодая кожа.

От расстрела спас тиф

Якунину как-то удавалось находить нужных людей, доставать еду. Дошли мы до монастырщины, это в Смоленской области. А здесь нам сказали, что дальше никак не пройти. Пошли обратно. Вышли на партизан, остались с ними.

Однажды пошли на задание, нас было четыре человека. Сели отдохнуть на обочине дороги, а тут вдруг появились полиция и задержали нас.

В Дубровно, куда нас привезли, началось расследование: нас по одному вызывали к следователю. У всех были документы, но не было разрешения на перемещение. У меня был документ на имя Опиок Зинаиды Васильевны. Как на грех следователь был из Яков, видел меня там, когда я перед войной была в гостях, и сразу сказал, что это не мой документ, что я вру. Но я твердо стояла на своем. Под конвоем отправили меня к немецкому команданту. А я и там настаивала на своей версии. Меня снова отвели в полицейскую катажалку.

Вывели нас всех на прогулку, а я упала и потеряла сознание. Меня отвезли в городскую больницу до установления личности. Следователь отправил двух полицейских на велосипедах на БелГЭС. Через два дня посланцы вернулись и, конечно, установили мою личность. Потом Надя, сестра-хозяйка, мне рассказывала, что за мной приезжали, чтобы забрать (собирали группу на расстрел), но я была в тифе, без сознания и, боясь заразиться, полиция оставила меня со словами: «До следующего раза». А Якунина и еще двоих, с которыми нас задержали, отпустили, прочитав нотацию.

Доктор делал вместе с сестрами все возможное, чтобы я выздоровела. Очень помогла сестра-хозяйка Надя. Я уже стала ходить и неплохо себя чувствовала. Якунин разсыпал меня. Изредка навещал, приносил продукты и велел до полного выздоровления никуда не ходить, ждать, когда он придет за мной.

И пришли... Надя только успела сказать: «Идет» (полиция), и я через палату напротив выпрыгнула в окно, спрятавшись в тамбуре прачечной. Меня искали, обошли все палаты, туалеты, во дворе, прошли мимо двери, за которой я стояла. И ушли, опять наказав сообщить, когда я вернусь.

Жизнь невидимкой

Какое-то время я пряталась в сарае возле больницы. Надя рано утром, пока все спят, приносила мне еду. Но однажды туда пришли немцы. Они набили мешок (или матрас) сеном, а я лежала ни жива, ни мертва. На этот раз все обошлось, но я понимала, что оставаться в сарае уже нельзя.

Немного пожила на чердаке надидного дома. Потом пришел Якунин и перевел меня к какой-то женщине с двумя детьми. Он должен был забрать меня через пару дней, но что-то его не было.

Я после тифа была очень слабой, отлеживалась на печи. Не знаю, как, но соседи узнали, что кто-то прячется в доме напротив, и я решила уходить, чтобы не подводить людей.

Рано утром пошла на дубровенский базар, сама не понимала зачем. Думалось, может встречу кого-нибудь, чтобы на лошади выехать за город. Встретила свою одноклассницу. Она мне обрадовалась. Она жила с матерью рядом и уговорила пойти к ним хоть на немного. Меня накормили, а потом рассказали, каким путем выйти за город и где ближе лес.

Я направление приблизительно не знала, Якунин рассказывал. Отшла от города уже на приличное расстояние, слышу, кто-то меня нагоняет, а спрятавшись негде. Иду, не оборачиваясь, а сади говорят: «Да не спеши так, это же я». Это был Якунин! Он пришел туда, где я жила, узнал, что опоздал и каким-то шестым чувством догадался, что я сделала, куда пойдю.

Дошли до какой-то деревни. Там я пробыла пару дней. Якунин ушел в отряд. Я не расспрашивала его ни о чем. Не помню имен, фамилий и названия деревни: умышленно старалась не запоминать. Ведь все могло быть иначе. Вдруг бы попала снова в полицию или к немцам...

Потом Якунин отвел меня в деревню Чубаково, к Ивану Корнеевичу Минину. Там жила так, чтобы никто меня не видел. Но однажды зимой 1943 года, когда я почти оправилась после тифа, Ивану Корнеевичу сказали, что кто-то пронюхал обо мне. Ночь переночевала у соседа в сене и прыснула. Утром опять вернулась к Ивану Корнеевичу, но у меня буквально отнялись ступни, стоять на них я не могла. Слезая с печи, ползала на коленях. Иван Корнеевич достал какую-то мазь, натирал. Плюс тепло, и к весне стало лучше. Якунин приносил продукты, но бывал редко – постоянно выполнял поручения отрядного командира. А мне было все труднее скрываться.

Заблудилась!

В Чубаково немцы пригнали людей, которых они увозили в Германию при отступлении. К Ивану Корнеевичу поместили одну семью, к счастью, без маленьких детей. Я перебралась в сарай в ожидании Якунина, чтобы уйти с ним в отряд. Но его все не было.

У Ивана Корнеевича племянник был в полиции, но это, видимо, так надо было. Он догадывался обо мне и прямо спросил у Ивана Корнеевича, кто я. Иван Корнеевич ответил, что я сестра Кати, его невестки. Катю они знали. Но мне надо было срочно уходить. Иван Корнеевич вышел на связанного (возможно, Якунин сказал, к кому надо обратиться в случае чего), одел меня тепло, дал торбочку с хлебом, яйцами и прочим, и я пошла зами домов к окраине деревни, на дорогу, где меня ждал связной. Договорились: если что, я его «не знаю», и буду идти за ним на небольшом расстоянии. Когда мы ушли на приличное расстояние от деревни, он рассказал, как мне добраться до места, где меня будет ждать человек из отряда. И все было бы хорошо, если бы я не заблудилась.

Я ушла на 8 км от того места, где должна была ждать связного! Это была деревня Сова, на дороге я увидела людей, которых угоняли в Германию, и пошла с ними. Нашла нужную опушку леса, где должна была встретить связного, но меня уже никто не ждал.

Ночевала в лесу. Залезла в середину трех густых елок, сняла белый платок с головы – машинально, ничего не думая, и нечаянно уснула. Проснулась к рассвету от немецкой речи. Оказалось, немцы сидели рядом в засаде, ждали партизан. Хорошо, что были без собак. Как-то судьба меня все время берегла.

Днем на опушке леса мальчики пасли коров, видели меня, но я старалась от них уйти. Таким образом я проблуждала двое суток. А потом решила пойти по деревне под видом нищенки. Заходила в каждую избу, подавали. И вот, когда я прошла полдеревни, я попала в дом к полиция. Он спросил, кто я, откуда. Я назвала фамилию и место жительства тех, кого поселили у Ивана Корнеевича. Спросила, где место сбора отставших. Сказала, что я отбилась в пути от родителей, и мы договорились в случае чего встретиться в пункте сбора. Он мне объяснил, как туда идти.

От него я зашла в следующую избу. Там было двое мужчин, они что-то читали. При моем появлении они как-то переглянулись, спрятали газеты. Мне уже все надоело, и я пошла напролом. Сказала, что я должна была встретиться на опушке леса с человеком из отряда, но вот теперь не знаю, что делать. Если можете, помогите, а нет – поступайте, как знаете, мне уже все равно. В это время кто-то зашел в сени, и они меня быстро спрятали за печку (между печкой и стеной было небольшое расстояние), а сами ушли в печки. Зашел тот полиция, у которого я



была, и спросил, не заходила ли к ним нищенка. Рассказал, что в ней его сын узнал ту, которая ходила по опушке леса, и что я или партизанка, или связная. Ему ответили: «Не заходила», и он ушел. Эти мужчины помогли мне перебраться к партизанам.

Свои не поверили

Встретил меня командир партизанского отряда. Случилось так, что в отряде оказались двое ребят, с которыми я была в катажалке в Дубровне. Они знали всю историю, знали, что меня немцы должны были расстрелять, но не знали, что я заболела тифом и тем спаслась. Эти ребята рассказали командиру, что видели меня, что, наверное, меня завербовали немцы... И теперь уже здесь с меня глаз не спускали!

Я поняла, что сторожат, но не могла понять почему. Командир отослал связного в бригаду, в штаб, где Якунин был разведчиком в каком-то взводе, чтобы он приехал в отряд. Через два дня пришел Якунин, и все произошло. Вот так я в конце концов обрела более-менее «спокойную» жизнь.

Я осталась здесь в 124-м отряде, в бригаде Китаева. Как рядовой боец выполняла все, что поручалось. На дальние переходы меня не брали: после тифа задыхалась при быстром беге. Но побегать и здесь пришлось! Это обычные партизанские будни: засады, преследования, перестрелки, но когда ты не один, когда рядом товарищи, – не так страшно!

В регулярной армии

Первого октября 1943 года нашей бригаде был дан приказ из штаба партизанского движения (17-я бригада действовала в Могилевской области) – идти на соединение с передовыми частями наступающей армии. Мы с боем переправились на другой берег реки Сож и встретились с наступающими частями 120-й гвардейской дивизии, и всех партизан «разобрали» по полкам. Я сначала колебалась, не знала, как поступить. Но поразмыслив, тоже пошла в действующую армию и попала в 339 стрелковый полк 120-й гвардейской краснознаменной дивизии санитаркой

санроты. Нашему полку было присвоено звание «Гвардейский» в августе этого года. Он стал 334 гвардейский стрелковый полк.

Судьба берегла меня. Сколько раз снаряд разрывался в том месте, откуда я минуту как выскочила. Однажды на отдыхе после боя за Рогачев мы перекусывали четвергом: майор, старший лейтенант, командир санитарного взвода и я. Совсем рядом разорвался снаряд. Лейтенант был убит – осколок попал прямо в сердце, майору оторвала ногу, а мне впился в нос осколок как иголочка – и все.

О смерти думала мало

О смерти думала почему-то мало. Дошла уже санитаркой взвода до Белостока и дальше, почти до Нарвы. И только тут впервые получила серьезное ранение. С 29 августа по 2 октября 1944 года пролежала в госпитале в городе Тула. Сутки, пока санитарный поезд вез меня с другими ранеными до Тулы, мысли у меня были совсем невеселые: считалось, что два осколка зашли у меня в бедре и, возможно, ногу придется ампутировать. К счастью, все оказалось не так страшно.

А в госпитале я встретилась с капитаном, которого на спине полпластунки вытаскивала с поля боя где-то за полмесяца до моего ранения. Он в госпитале уже всем рассказал обо мне. И когда я появилась на больничной койке, тут же представил меня всем. Так что отношение ко мне у всех было очень хорошее.

Долгожданная встреча

Еще с незажившей раной приехала в Оршу, уговорила главного врача отпустить меня, благо было обращение из оршанского госпиталя. В Орше меня ждали родные, которые уже вернулись из эвакуации и считали, что я погибла.

В 1946 году я вышла замуж и уехала по месту жительства мужа в Иркутск. Здесь я окончила институт, работала учителем в школе, вырастила двух дочерей, внучку, внука. Сейчас я на пенсии, у меня два правнука и две правнучки. О войне вспоминать не люблю.

Гвардейская слава

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Свирской территориальной избирательной комиссии Людмила Кузнецова в ответ на призыв газеты, поделиться семейными историями, прислала целый сборник «Гвардейская слава свирчан», который был подготовлен в 2012 году. В книге собраны военные биографии участников войны – гвардейцев, прославивших Свирск. Вот несколько героев этой книги.

Георгий Васильевич Бисарин, гвардии старший лейтенант, служил в армии начал на Дальнем Востоке. Там окончил школу сержантского состава и в августе 1937 года был направлен в Саратов на учебу в пограничное училище. После трех лет учебы получил звание лейтенанта. В октябре 1941 года был направлен на фронт – под Москву, назначен командиром взвода. Был награжден медалью «За оборону Москвы».

Затем Георгия Бисарина назначили командиром роты 22 мотострелкового полка 15 стрелковой дивизии (Центральный фронт), ему присвоили звание старшего лейтенанта.

Потом служил на Украинском фронте, был ранен. После лечения его направили в спецразведку на плацдарм Орловско-Курской дуги.

За ликвидацию и освобождение опорного пункта немцев в селе Пущеводича награжден медалью «За боевые заслуги». В 1944 году после освобождения Крыма, Георгий Васильевич был откомандирован для организации охраны границы. Был переведен в Прибалтику, назначен начальником 4-го отдела 79 погранотряда, и получил звание капитана.

Награжден двумя Орденами Отечественной войны I-й и II-й степени, медалью «За победу над Германией».

В 1947 году Георгий Васильевич получил назначение командиром роты 119 полка МВД, в Москве. Служил до 1952 года.

Василий Алексеевич Брылев – пилот, воздушный стрелок на самолете ИЛ-2 43-го гвардейского штурмового авиаполка 9-й гвардейской воздушной Армии.

На его боевом пути было фронтное небо от Севастополя до Берлина. Неразлучны были Петр Шулик и Василий Брылев на своем самолете.

Из воспоминаний Петра Шулика, героя Советского Союза: «С чувством глубокого уважения вспоминаю и думаю о своем воздушном стрелке Василии Брылеве, сколько раз выручал он меня из беды. На нашем

пути было беспокойное небо Могилевщины, Минска, Волковысска, Гродно, Белостока, Ломжея, Донецка, Гдыни, Штеттена и само Берлина. И я всегда чувствовал плечо моего дорогого боевого друга Василия».

За мужество и бесстрашие в небе Василий Алексеевич был награжден двумя орденами «Красной Звезды», Орденом Отечественной войны II-й степени, медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», юбилейными медалями.

Леонид Тимофеевич Денисенко с 1941 по 1946 год служил в рядах Советской Армии.

Участник форсирования Волги, уличных боев в Сталинграде в составе 79-й гвардейской стрелковой дивизии.

Он командовал взводом, батареей, полковой артиллерией в составе Украинского фронта, участвовал в освобождении городов Австри, Венгрии. Были ранения и снова фронт. Войну закончил в Венгрии, в 1946 году демобилизовался помощником начальника штаба артиллерийского дивизиона в звании гвардии-лейтенанта.

За свой боевой путь награжден орденом «Красной звезды», медалями «За оборону Сталинграда», «За отвагу», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией».

«Леонид Тимофеевич был настоящим бойцом, преданным гражданином своей Родины» – так вспоминали о нем те, кто с ним воевал, кто с ним работал в мирное время и знал его просто как талантливого педагога, первого дипломированного учителя деревни Свирской, начавшего свою трудовую деятельность в 1929 году.

В октябре 1985 года одна из улиц Свирска переименована в улицу имени Леонида Тимофеевича Денисенко.

Константин Степанович Емельянов был призван в армию 19 января 1943 года, ему еще не было полных 18 лет.

Вначале его направили курсантом в Забайкальское стрелково-минометное училище Министерства обороны.

Через полтора года учебы Константин Степанович в звании младшего лейтенанта отпущен на фронт – командиром минометного взвода 183-го гвардейского стрелкового полка 59-й стрелковой дивизии. Ему еще тогда не было 20 лет. В боях и походах он дошел до Австрии. Погиб 21 марта 1945 года. Похоронен в Эрнстбрунне.

На запрос о месте захоронения Российской Красной Кресте в январе 2009 года ответил, что, вероятно, Константин Емельянов был перезахоронен в 1945–1946 годах без указания фамилии, как неизвестный советский воин.

